

Дайджест

ЕКАТЕРИНБУРГ 2014

Классики народов России: М.Ю Лермонтов

к 200-летию со дня рождения поэта

M. depuonnob

Редакторская коллегия:

Автух Ф.Р.

Колосов Е.С.

Лебедева Т.В.

Васильева Т.В.

Классики народов России: М. Ю. Лермонтов: к 200-летию со дня рождения поэта: дайджест / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека; сост.: С. П. Голочалова; ред.: Т. В. Васильева; вёрстка: Е. В. Арапова. - Екатеринбург: СОМБ, 2014. - 63 с.

Ответственный за выпуск: Колосов Е.С.

Содержание

•	Предисловие
•	«Я родину люблю»: Знакомство с биографией поэта7
•	«В честь девы,милой сердцу и прекрасной»: Адресаты
	любовной лирики Лермонтова27
•	«Взгляни на этот лик»: Лермонтов в портретах41
•	«Всегда, везде с тобою душа моя»: Лермонтов в воспо-
	минаниях современников47
•	Рекомендованная литература54
•	Приложение 1 «Венок поэту» (Стихи поэтов народов
	России и ближнего зарубежья,посвящённые М.Ю.Лер-
	монтову)56

15 октября 2014 года исполняется 200 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

Трагическая фигура поэта, его талант, и безвременная кончина всегда вызывали интерес у читающей публики, становились предметом исследования. О нем писали многие и много; ему посвящена первая персональная энциклопедия, много научно-популярной литературы и научно-исследовательских работ, но сам он, как и его творчество, все равно для многих остается загадкой.

Как жил поэт? Где служил? Каким запомнился он современникам? Кто были его вдохновительницы? Обо всем этом рассказывают материалы, включенные в данное издание.

Дайджест окажет помощь школьникам и студентам средних специальных учебных заведений в подготовке к урокам литературы.

«Я родину люблю…»

Знакомство с биографией поэта

В ночь со второго на третье октября 1814 года (по старому стилю) в Москве, в доме генерала Толя у Красных ворот, появился на свет Михаил Юрьевич Лермонтов.

Весной 1815 года, в возрасте полугоду, он был привезен родителями в имение бабушки по материнской линии, Е. А. Арсеньевой,

в Тарханы Пензенской губернии, где прошла половина его короткой 27-летней жизни.

На первом, детском портрете, Лермонтов изображен в возрасте двух с половиной – трех лет. В руках у ребенка лист бумаги и мелок. По воспоминаниям современников, Миша, еще не умея ходить, ползая, чертил мелом по сукну, которым был застелен пол в его комнате и это «было его величайшим удовольствием».

Поэт «очень походил на мать свою», - сказал однажды Краевский, указывая на ее портрет, «...если вы к этому лицу приделаете усы, измените прическу да накинете гусарский ментик - так вот вам Лермонтов».

Мария Михайловна - мать поэта, была натурой «хрупкой, мечтательной, одаренной душою музыкальною и чувствительною», и взрослою она смотрелась «хрупким,

нервозным созданием». В 17 лет она вышла замуж за 24-летнего капитана в отставке Юрия Петровича Лермонтова - выходца из разорившихся дворян Тульской губернии. Современникам Юрий Петрович запомнился как «...красивый блондин, сильно нравившийся женщинам, привлекательный в обществе, веселый собеседник...добрый, даже очень добрый барин». Жизнь молодой четы в Тарханах была омрачена ссорами между тещей (бабушкой поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой) и зятем. Елизавета Алексеевна зятя недолюбливала, чернила его в глазах дочери. На двадцать втором году жизни от скоротечной чахотки Мария Михайловна ушла из жизни, оставив маленького сына. «В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, - помнили, как возилась она с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой....Посадив ребенка своего к себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою».

Мария Михайловна скончалась в феврале 1817 года. Ее сыну было всего два года и пять месяцев. Горе, охватившее близких, передалось и мальчику. В поэме «Сашка» Лермонтов передал сцену прощания:

Он был дитя, когда в тесовый гроб Его родную с пеньем уложили. Он помнил, что над нею черный поп Читал большую книгу, что кадили И прочее... и что, закрыв весь лоб Большим платком, отец стоял в молчанье. И что когда последнее лобзанье Ему велели матери отдать, То стал он громко плакать и кричать...

Воспоминаниями о матери навеяны рисунки юного Лермонтова, стихи: «Казачья колыбельная песня» и «Ангел»:

По небу полуночи ангел летел И тихую песню он пел,

И месяц и звезды и тучи толпой Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов Под кущами райских садов,
О боге великом он пел, и хвала Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой Остался - без слов, но живой.
И долго на свете томилась она Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли Ей скучные песни земли.

После смерти Марии Михайловны отношения Юрия Петровича с тещей обострились. Елизавета Алексеевна составила духовное завещание, согласно которому все «движимое и недвижимое» имущество после ее смерти переходит к внуку, но при одном условии – отец воспитанием сына до его совершеннолетия заниматься не будет. Юрий Петрович был вынужден уступить теще. Он уехал в свое имение Кропотово, а сына оставил на воспитание бабушке.

Позднее отец объяснит свой поступок сыну так: «Тебе известны причины моей разлуки с тобой, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя и с самою чувствительнейшею для себя потерею, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ничего не потерял».

Семейная драма с годами стала известна Лермонтову и наложила тяжелый отпечаток на его душу «Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею», - писал он в пьесе «Люди и страсти».

Короткие встречи поэта с отцом до самой смерти последнего в 1831 году сближали их. Отец встречал сына в Кропотово, виделся с ним в Москве. Известно завещание Юрия Петровича, в котором

он впервые отметил поэтический дар сына: «... ты одарен способностями ума, - не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь дать отчет Богу! Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце ...».

В стихотворениях «Ужасная судьба отца и сына», «Я видел тень блаженства; но вполне ...», « Пусть я кого-нибудь люблю...» Лермонтов выразил свои чувства к отцу. Ему посвятил и эти строки:

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак прости, прости!...
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.

Ранняя смерть родителей, страдания, которые они перенесли, вызывали в сердце поэта неизменную печаль. Их судьбу он связывал со своей, и потому будущее ему представлялось нерадостным. В нем он видел продолжение несчастий, преследовавших его отца и мать.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,
Дочь смерти, — смерть ей суждена!

Так писал поэт в одном из своих черновых набросков 1831 года. «Замечательная по уму и любезности», «снисходительная к молодежи», гостеприимная, но вместе с тем «деспотичная, привыкшая повелевать» бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина) во внуке души не чаяла. «Нет ничего хуже, как пристрастная любовь, но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем», - сообщает она своей прия-

тельнице К. П. Крюковой.

Где бы не находился поэт, бабушке он писал «каждою почтою» добрые, заботливые письма: «Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны на мой счет, а я, будьте уверены, все сделаю, чтоб продолжить это спокойствие. Целую ваши ручки и прошу вашего благословения. Покорный внук М. Лермонтов».

Современники отмечали «чрезвычайную почтительность и нежность» внука к бабушке. И сама Елизавета Алексеевна говорила об этом с радостью и благодарностью: «Милый, любезный друг Мишенька. Конечно, мне грустно, что долго тебя не увижу, но, видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к богу, после двадцати пяти лет страдания любовию своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца.... Со слезами благодарю бога, что на старости лет послал мне тебя в утешение».

Елизавета Алексеевна принадлежала к кругу просвещенных дворян и придавала серьезное значение воспитанию и образованию внука. Взяв на себя определенные обязательства, она *«не щадила средств для воспитания внука, оно обходилось ей до десяти тысяч ассигнациями»*, - заметил первый биограф поэта П. А. Висковатый. В Тарханах немецкому языку ребенка обучала немка Христина Ремер, французскому – бывший сержант наполеоновской армии Жан Капэ. Впоследствии французским и немецким языками Лермонтов владел в совершенстве. *«Он славно знает по-немецки и Гете почти всего наизусть дует. Байрона режет также в подлиннике»*, - писал в 1840 году В. Г. Белинский.

Михаил Пожогин-Отрашкевич (дальний родственник поэта), о детских годах, проведенных вместе с Лермонтовым в Тарханах, рассказывал: «Лермонтов в эту пору был ребенком слабого здоровья, что, впрочем, не мешало ему быть бойким, резвым и шаловливым. Учился он...прилежно, имел особенную способность и охоту к рисованию, но не любил сидеть за уроками музыки. В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно

выказывалась настойчивость...»

Несмотря на то, что уроки музыки Лермонтову не нравились, музыку он любил, играл на скрипке, фортепьяно и флейте. В 16 лет поэт писал: «Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрыпки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха».

Занятия музыкой продолжились в Москве, куда он переехал с бабушкой осенью 1827 года.

«Москва моя родина и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив», писал поэт в письме к М. Лопухиной.

Москва, Москва!...люблю тебя как сын, Как русский, - сильно, пламенно и нежно! Люблю священный блеск твоих седин И этот Кремль зубчатый, безмятежный...

В Москве Лермонтов учился сначала в Университетском благородном пансионе, затем в Московском университете.

Московский университетский пансион стоял наравне с Царскосельским лицеем. Между учениками и учителями отношения были добрые. Воспитанники собирались на общее чтение, и издавался рукописный журнал. Преподавание было живое. И. А. Гончаров, который учился в пансионе в то же время, вспоминал о поэте: «Лермонтов говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулёжа, опершись на локоть». Учился Миша блестяще, отличался не только в гуманитарных науках, но и в математике. При переходе из класса в класс неизменно получал награды. Е. А. Сушкова-Хвостова писала: «В то время был публичный экзамен в Университетском пансионе. Мишель за сочинения и успехи в истории получил первый приз; весело было смотреть, как он был счастлив, как торжествовал». «Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского "К морю" и заслужил громкие рукоплескания», - вспоминал его воспитатель А. З. Зиновьев.

В пансионе Лермонтов, по собственному признанию, в 1828 г. «начал марать стихи». В том же году придумал замысел первого своего произведения - поэмы «Черкесы» и даже нарисовал к нему обложку: под названием было изображена пирамидка круглых пуль и два скрещенных пистолета, а над ними - лира, с каждой стороны которой венок и летящая стрела.

В марте 1830 года пансион, после посещения его Николаем I, был преобразован в гимназию.

Программа сокращалась, вводились телесные наказания. Лермонтов не захотел оставаться в этом учебном заведении.

Осенью 1830 г. он поступил на нравственно-политическое отделение Московского университета, который был в те годы одним из центров культурной жизни страны. Плодотворное воздействие на формирование мировоззрения Лермонтова оказала студенческая среда. Одновременно с поэтом в университете учились В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв. В студенческих кружках горячо обсуждались политические и философские вопросы, здесь говорили о тяжёлом положении народа, о недавно подавленном восстании декабристов; среди студентов широко распространялись запрещённые политические стихи. «Мы были уверены, — вспоминал позднее Герцен, — что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней». В юношеской драме «Странный человек» Лермонтов с большим воодушевлением выразил чувства, владевшие в ту пору участниками студенческих кружков, — возмущение крепостничеством, ненависть к произволу помещиков. Лермонтов написал свою драму в то время, когда среди студентов распространялась рукописная пьеса Белинского «Дмитрий Калинин», также насыщенная гневным протестом против крепостного гнёта. В университетские годы Лермонтовым были написаны многочисленные стихотворения, поэмы, драмы — «Испанцы», «Menschen und Leidenschaften»

(«Люди и страсти») и др.

П. Ф. Вистенгоф вспоминает об интересном случае, связанном с Лермонтовым во время учебы в университете. «Перед рождественскими праздниками профессора делали репетиции, то есть проверяли знания своих слушателей за пройденное полугодие и согласно ответам ставили баллы, которые брались в соображение потом и на публичном экзамене Профессор Победоносцев, читавший в университете изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос.

Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

- Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда вы могли почерпнуть эти знания?
- Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным.
- Мы все переглянулись. Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику. Дерзкими выходками этими профессора обиделись постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах. То ли по этой причине, то ли потому, что преподавание было скучным, но Лермонтов среди других был оставлен на другой год на первом курсе. Это задело его самолюбие, и он подал прошение об отставке и решил перейти в петербургский университет».

Летом 1832 г. Михаил Юрьевич переехал в Петербург для поступления в университет. Но здесь отказались зачесть Лермонтову годы, проведенные в Московском университете. Не желая начинать все сначала, по совету родственников, он поступил в

школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Первые дни пребывания его в школе сопровождались случаем, имевшим для него неприятные последствия на всю жизнь. Чтобы

показать свою удаль перед товарищами, он в манеже сел на молодую и необъезженную лошадь, которая сбросила его на землю и при этом ударила копытом в ногу настолько сильно, что молодого человека отнесли замертво в лазарет. Лермонтов получил после этого искривление ноги, плохо срос-

шейся. По этому поводу товарищи прозвали его «маешкой», словом, являвшимся русифицированной переделкой французского слова «Моуеих» - горбун. В это время как раз вышел в свет французский роман под таким же названием, - героем его был хромой горбун; так как Лермонтов отличался сутуловатостью, то школьные товарищи находили, что подобное прозвище «весьма ему приличествует». Сам Лермонтов на это прозвище не только не сердился, но и увековечил ее в поэме «Монго».

По словам поэта в юнкерской школе он провел «два страшных года». Там господствовала военная муштра. «В то время в юнкерской школе нам не позволялось читать книг чисто литературного содержания, хотя мы не всегда исполняли это; те, которые любили чтение, занимались им большею частью по праздникам, когда нас 🖠 распускали из школы. Всякий раз, как я заходил в дом к Лермонтову, почти всегда находил его с книгою в руках, и книга эта была - сочинения Байрона и иногда Вальтер Скотт, на английском языке, - Лермонтов знал этот язык», - вспоминал однокашник поэта по школе А. М. Меринский. Но и в этих условиях Лермонтов урывками и тайком продолжал свои литературные занятия, работал над романом «Вадим» из эпохи пугачёвского восстания.

Окончив школу, поэт получил офицерский чин и был определён в Лейб-гвардии гусарский полк, стоявший в Царском Селе.

«Насмешливый, едкий, ловкий, - вспоминала Е.П. Ростопчина, проказы, шалости, шутки всякого рода сделались его любимым занятием; вместе с тем, полный ума, самого блестящего, богатый, независимый;, он сделался душою общества молодых людей высшего круга; он был первым в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, во всем том, что составляет жизнь в эти годы».

Поэт делил свое время между Царским Селом (где был расквартирован его гусарский полк) и Петербургом, где он вел образ жизни, принятый в среде молодых аристократов. «Гусар мой по городу рыщет, сообщала Е. А. Арсеньева своей давней знакомой, - и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик

молоденький, в хорошей компании и научится хорошему...»

«Я увидел, вступая в свет, - писал поэт А. М. Верещагиной, - что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соревнования».

В том же письме он жалуется на одиночество: «Не могу выразить, как огорчает меня отъезд бабушки, — перспектива остаться в полном одиночестве в первый раз в жизни меня пугает; во всем этом большом городе не останется ни единого существа, которое бы действительно мною интересовалось».

В 1834 году в журнале «Библиотека для чтения» появилась (без ведома автора) поэма «Хаджи Абрек». А. П. Шан-Гирей (троюродный брат Лермонтова) вспоминал, что дальний родственник поэта, князь Н. Д. Юрьев, «после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи передал, тихонько от него, поэму "Хаджи-Абрек" Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанною в "Библиотеке для чтения". Лермонтов был взбешен, по счастью, поэму никто не разбранил, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать».

Вслед за тем Лермонтов создал поэму «Боярин Орша», драму «Маскарад», которую он безуспешно пытался провести через цензуру и поставить на сцене, роман «Княгиня Лиговская», стихотворение «Бородино».

Резкий перелом в жизни поэта наступил в дни гибели А. С. Пушкина. По выражению А. И. Герцена, *«пистолетный выстрел*,

убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова». Потрясённый смертью великого поэта, Михаил Юрьевич написал стихи, в которых выразил чувства всех передовых людей того времени. Стихотворение «Смерть поэта» разошлось по всей стране в многочисленных списках. Известный литератор И. И. Панаев в своих воспоминаниях попытался определить цифру рукописных копий стихотворения: «Переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми».

Молодой поэт с суровой прямотой обличал придворную знать и самого царя как подлинных виновников только что разыгравшейся трагедии. Он предсказывал справедливую месть сановным палачам свободы:

И вы не смоете всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь!

Как только эти смелые стихи стали известны во дворце, Лермонтов был немедленно арестован. А. П. Шан-Гирей рассказывал: «Лермонтова посадили под арест в одну из комнат верхнего этажа здания Главного штаба. Пускали к нему только камердинера, приносившего обед. Лермонтов велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: "Когда волнуется желтеющая нива", "Я, матерь божия, ныне с молитвою", "Кто б ни был ты, печальный мой сосед" - и переделал старую пьесу "Отворите мне темницу", прибавив строфу "Но окно тюрьмы высоко…"».

Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня, Черноглазую девицу, Черногривого коня. Я красавицу младую Прежде сладко поцелую, На коня потом вскочу, В степь, как ветер, улечу. Но окно тюрьмы высоко, Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...
Одинок я - нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837 год

Во время допросов поэт не отрицал авторства и писал по поводу своих стихов: «Отрекаться от них... я не мог: правда всегда была моей святыней».

По «высочайшему повелению» Лермонтов был выслан в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе и участвовавший в военных действиях против горцев. По пути в полк Лермонтов останавливался в Пятигорске, был в Ставрополе. В это время он познакомился со многими декабристами, переведёнными сюда рядовыми солдатами из Сибири; особенно подружился он с поэтом А. И. Одоевским.

Спустя два года, получив печальное известие о его смерти в изгнании, Лермонтов в стихотворении «Памяти А. И. Одоевского» писал:

Мир сердцу твоему, мой милый Саша! Покрытое землей чужих полей, Пусть тихо спит оно, как дружба наша В немом кладбище памяти моей.

Встречаясь с декабристами (М. А. Назимовым, В. Н. Лихаревым) на Кавказе, Лермонтов удивлял их резкостью и остротой своих суждений по литературно-общественным вопросам. «В сарказмах

его слышалась скорбь души, возмущенной пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои обществ».

Среди кавказских знакомых Лермонтова был и доктор Е. В. Майер (прототип доктора Вернера в «Княжне Мери»), человек радикальных взглядов, враждебно относившийся к самодержавию. Недолгое

пребывание в Тифлисе помогло Лермонтову сблизиться с лучшими представителями местной интеллигенции. Он общался с выдающимся грузинским поэтом А. Г. Чавчавадзе и его дочерью Н. А. Грибоедовой, с поэтами Г. Орбелиани и Н. Бараташвили, с азербайджанским учёным и поэтом М. Ф. Ахундовым. Михаил Юрьевич изучал азербайджанский язык. Странствуя по Кавказу, он записал азербайджанскую сказку «Ашик-Кериб». Всё это обогатило творчество Лермонтова, нашло яркое отражение в его зрелых поэмах, написанных по возвращении из ссылки: «Беглец», «Мцыри», «Демон».

После настойчивых ходатайств Е. А. Арсеньевой и поэта В. А. Жуковского Лермонтов был переведён с Кавказа в Гродненский гусарский полк, стоявший вблизи Новгорода. В апреле 1838 г. ему разрешили вернуться в лейб-гвардии гусарский полк. С этого времени начинается его сближение с друзьями Пушкина. В 1838 г. в печати появилась (без имени автора) «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», вызвавшая восторженный отклик В. Г. Белинского. В 1839 г., прочитав новые стихи Лермонтова, в том числе «Три пальмы», Белинский писал Н. В. Станкевичу: «На Руси явилось новое могучее дарование»; упомя-

нув в письме к В. П. Боткину «Терек» и «Казачью колыбельную песню», великий критик писал: «А мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника».

В 1839-40 гг. в журнале «Отечественные записки» были напечата-

ны главы романа «Герой нашего времени». В 1840 г. роман вышел отдельным изданием. Вскоре появился и первый (единственный прижизненный) сборник «Стихотворений» Лермонтова, в который поэт включил всего двадцать шесть стихотворений их четырехсот и две поэмы из тридцати, к тому времени им написанных. Поэт выбрал лучшее и вступил на литературное поприще, по словам, Льва Толстого, «сразу как власть имеющий». А. П. Шан-Гирей отмечал: «У него не было чрезмерного авторского самолюбия; он не доверял себе, слушал охотно критические замечания тех, в чьей дружбе был уверен и на чей вкус надеялся, притом не побуждался меркантильными расчетами, почему и делал строгий выбор произведениям, которые назначали к печати».

В феврале 1840 г. произошли ссора и дуэль Лермонтова с сыном французского посла в Петербурге Э. Барантом. Барант оскорбил достоинство русской нации, а Лермонтов достойно ему ответил. На дуэли Барант целился в поэта, но промахнулся, а Лермонтов, стреляв-

ший вторым, намеренно выстрелил в сторону. Военный суд приговорил Лермонтова к вторичной ссылке на Кавказ.

В письме к другу А. Лопухину из Ставрополя от 17 июня 1840 года поэт сообщает: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля», и шутливо добавляет: «...которого, надеюсь не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать тебе по пересылке».

В июле 1840 года Лермонтов участвовал в сражении при реке Валерик. «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми отрядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы», - сообщается в «Журнале воен-

ных действий на левом фланге Кавказской линии».

За бесстрашие, храбрость и умелое исполнение порученного ему дела поручик Лермонтов был представлен к ордену Владимира 4-й степени с бантом. Командование корпусом решило, что столь высокую награду поэту не дадут, и поменяло ее на орден Станислава 3-й степени. Но и на эту награду «не последовало высочайшего соизволения». Не получил он и золотой сабли, к награждению которой его представили за участие во втором Валерикском сражении.

Немалым испытанием для поэта стало его назначение командиром сотни казаков-«о-хотников» взамен раненного Р. И. Дорохова, который славился не только тем, что трижды был разжалован за дуэли, но и фантастической храбростью. Заменить такого командира было не просто, но Лермонтов сумел по-

корить сердца всей сотни «охотников» не только отвагой, но и тем, что делил с ними все трудности воинского быта: «Отказавшись от всяких удобств, он вел тот же образ жизни, что и они, спал на голой земле, ел из общего котла...»

В октябре 1840 г. другу А. Лопухину поэт пишет «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем».

«Ему хотелось более чем когда-либо выйти в отставку и совершенно предаться литературной деятельности, - писал А. А. Краевский. – Он мечтал об основании журнала и часто говорил о нем...»

В начале февраля 1841 г. опальный поэт, с величайшим трудом получив возможность провести в Петербурге около трёх месяцев, приехал в короткий отпуск. В это время он хлопотал о публикации «Демона», создав уже седьмую редакцию поэмы, общался с писателями, бывал в редакции «Отечественных записок», где регулярно печатались его стихи.

По словам современников, поэт «замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества» (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), «он зрел с каждым новым произведением».

В апреле 1841 г. Лермонтов получил приказ в 48 часов оставить Петербург и отправиться в полк, на Кавказ.

Незадолго до отъезда из Петербурга он посетил известную в столице гадалку, по прозвищу Александр Македонский. Лермонтов задал ей вопрос о том, будет ли ему отставка. В ответ услышал, что в Петербурге ему вообще больше не бывать и увольнения от службы не будет, а что ожидает его другая отставка, «после коей уже ни о чем просить не станешь».

С дороги он писал одной из своих знакомых: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать».

Во время путешествия и после него Лермонтов испытал необычайный подъём творческой энергии. Записная книжка, подаренная ему В. Ф. Одоевским, была заполнена стихами, принадлежащими к числу самых совершенных образцов русской лирики: «Утес», «Спор», «Сон», «Свиданье», «Морская царевна», «Пророк», «Выхожу один я на дорогу», «Листок»...

Дубовый листок оторвался от ветки родимой И в степь укатился, жестокою бурей гонимый; Засох и увял он от холода, зноя и горя...

По пути в полк Лермонтов задержался в Пятигорске для лечения, где и произошла ссора Лермонтова с Мартыновым.

С Николаем Соломоновичем Мартыновым Лермонтов познакомился во время учебы в юнкерской школе, по окончании которой Лермонтов вышел

корнетом в лейб-гвардии Гусарский, а Мартынов в Кавалергардский полк. Они считались приятелями. Бывая в Москве, Лермонтов часто навещал семью Н. С. Мартынова. В мае 1840 г. его мать, Е. М. Мартынова, сообщала сыну: «Лермонтов у нас чуть не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю: у него слишком злой язык... эти дамы [сестры Н. С. Мартынова, их было четыре] находят большое удовольствие в его обществе...»

За Мартыновым с легкого языка Лермонтова на Кавказе закре-

пилось прозвище «горец с большим кинжалом», которое и стало причиной их ссоры. Из воспоминаний Эмилии Клингенберг:

«По воскресеньям бывали собрания в ресторации, и вот именно 13 июля собралось к нам несколько девиц и мужчин, и порешили не ехать в собрание, а провести этот вечер дома, находя это и приятнее и веселее. Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л. С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык наперебой... Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить

на его счет, называя его "горцем с большим кинжалом"... Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово "горец" раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "Сколько раз просил я Вас оставить свои шутки при дамах?" - и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: "Язык мой - враг мой", - Михаил Юрьевич отвечал спокойно: "Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями". Танцы продолжились, я думала, что тем кончилась вся ссора».

Однако на этом ссора не кончилась. Дуэль была назначена на 15 июля.

Один из секундантов на этой дуэли, князь А. И. Васильчиков писал так: «Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на десять шагов по команде "марш". Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову, и скомандовали: "Сходись!" Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх,

заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста ... Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненые или ушибленные.

Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие».

В воспоминаниях Васильчиков ничего не писал о том, выстрелил ли Лермонтов в воздух или нет. На следствии он показал, что поэт не успел выстрелить, и его пистолет разрядил Васильчиков уже после дуэли. Однако многочисленные свидетельства современников, сохранившиеся в дневниковых записях и письмах, датированных июлем-августом 1841 г. утверждают, что выстрел в воздух со стороны Лермонтова был. В связи с этим поступок Мартынова дружно расценивался как подлое убийство

не желавшего в него стрелять Лермонтова.

Московский почт-директор А. Я. Булгаков, ссылаясь на письмо В. С. Голицына из Пятигорска, полученное в Москве 26 июля, записал в своем дневнике: «Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна шутка, а что ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения не только тут, но везде, где он только захочет! ... Стреляй! Стреляй! был ответ исступленного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая все же кончить глупую эту ссору дружелюбно, не так великодушно думал Мартынов, он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему, и выстрелил ему ... прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижна, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух. Удивительно, что секунданты в допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил против всех правил чести и благородства и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: извольте зарядить опять Ваш пистолет. Я Вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться Вас убить. Так поступил бы благородный храбрый офицер, Мартынов поступил как убийца».

Только около 11 часов вечера тело Лермонтова было привезено в Пятигорск, 17 июля было проведено освидетельствование тела поэта. В медицинском свидетельстве значилось: «При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, ... пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между 5-м и 6-м ребром левой стороны и прорезала мягкие части плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер».

17 июля М. Ю. Лермонтова хоронили. П. Т. Полеводин, петербуржец, лечившийся в Пятигорске, в письме от 21 июля 1841 г. писал: «Все, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб и обер-офицеры, и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаление и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь шестой день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма 🖠 убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Лермонтов обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в шести верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться через час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против правил и чести».

Известие о гибели поэта прокатилось по России. Первое сообщение появилось 2 августа в газете «Одесский вестник»: «...получено из Пятигорска прискорбное известие о кончине М. Ю. Лермонтова, одного из любимейших русских поэтов и прозаиков, последовавшей 15-го минувшего июля. В бумагах его найдено несколько небольших, неконченых пьес».

По словам М. П. Погодина, когда «проконсул Кавказа», прославленный генерал А. П. Ермолов узнал о гибели Лермонтова, он сказал: «Уже я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынувши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он

жения в становический в на вельможа и знатный: таких завтра будет и мих мором дождешься».

Через 9 месяцев тело Лермонтова, благодаря хлопотам его бабушки, было перевезено из Пятигорска в Тарханы и предано земле вторично.

...Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

Выполняя поэтическое завещание поэта, склоняет свои ветви и шумит листвой над его могилой могучий дуб:

Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь; Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб вечно зеленея Темный дуб склонялся и шумел.

«В честь девы, милой сердцу и прекрасной ...»

Адресаты любовной лирики Лермонтова

Женщины играли большую роль в жизни поэта. Он любил их за «артистическое чувство», за свое «прошлое страданье» и «за мелкие слабости». «Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор,

как их не боюсь и постиг их мелкие слабости», - пишет Лермонтов в «Герое нашего времени».

Среди женщин у поэта были друзья и приятельницы, и было «небольшое число страстных привязанностей, имевших решительное влияние на его жизнь».

С Екатериной Александровной Сушковой (1812-1868) пятнадцатилетний Лермонтов познакомился в Москве, в доме своей родственницы и друга А. М. Верещагиной. Сушкова входила в компанию молодежи, окружавшей в это время Лермонтова в Москве и подмосковном имении Середниково.

В своих «Записках» Сушкова вспоминала: «У Сашеньки встречала я в это время её двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой. Он учился в университетском пансионе, но ученые его занятия не мешали ему быть почти каждый вечер нашим кавалером на гулянье и на вечерах».

Восемнадцатилетняя столичная барышня со *«стройным ста*ном, красивой физиономией, черными глазами, сводившими многих с ума, великолепными, как смоль, волосами, в буквальном смысле доходившими до пят, бойкостью, находчивостью и природной остротой ума» произвела сильное впечатление на юного Лермонтова. Летом 1830 года поэт посвятил ей одиннадцать стихотворений, составивший так называемый *«сушковский* цикл» любовной лирики Лермонтова.

Сушкова, принимая стихи влюблённого в нее мальчика, лишь смеялась над ним. Осенью 1830 г. они расстались до конца 1834 г., когда вновь встретились в Петербурге.

К этому времени поэт стал офицером лейб-гвардии Гусарского полка. За Сушковой прочно установилась репутация кокетки, она собиралась выйти замуж за Алексея Лопухина, друга Лермонтова. Родные Алексея были против этого брака.

В письме к Марии Лопухиной, сообщая о склонности ее брата к Сушковой, Лермонтов сообщает: «Эта женщина – летучая мышь, крылья которой цепляются за все, что они встречают! – было время, когда она мне нравилась, теперь она почти принуждает меня ухаживать за нею...но, я не знаю, есть что-то такое в ее манерах, в ее голосе, что-то жесткое, неровное, сломанное, что отталкивает...»

Желая доказать другу, насколько легкомыслен его выбор, Лермонтов затеял интригу против Екатерины Александровны и помешал намечавшемуся сватовству. Не понимая игры, Сушкова влюбилась в поэта.

Позднее, объясняя свой отказ от «верного счастья» с Лопухиным, она писала: «Но я безрассудная была в чаду, в угаре от его [Лермонтова] рукопожатий, нежных слов и страстных взглядов... как было не вскружиться моей бедной голове!»

В1838 г. Е. А. Сушкова вышла замуж за дипломата А. В. Хвостова, в 1870 г. после ее смерти были опубликованы ее «Записки» о Лермонтове. Из которых, в частности, мы узнаем историю создания стихотворения «Нищий».

В августе 1830 г. большая компания молодежи отправилась в пешую прогулку из Середниково в Троице-Сергиеву Лавру: «На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменили запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: "Пошли вам бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!"

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи:

Нищий

У врат обители святой Стоял просящий подаянья Бедняк иссохший, чуть живой От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил, И взор являл живую муку, И кто-то камень положил В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви С слезами горькими, с тоскою; Так чувства лучшие мои Обмануты навек тобою!

Наталья Федоровна Иванова (1813-1875) вошла в историю лермонтоведения как «загадка Н. Ф. И.». Долгое время оставалось неизвестным имя женщины, скрытого за этими инициалами. В 1930-х гг. И. Л. Андроников разыскал внучку Н. Ф. Ивановой Н. С. Маклакову, которая рассказала: «...Михаил Юрьевич Лермонтов был влюблен в мою бабушку — Наталью Федоровну Обрескову, урожденную Иванову...У нас

в семье известно, что у Натальи Федоровны хранилась шкатулка с письмами М. Ю. Лермонтова и его посвященными ей стихами и что все это было сожжено из ревности ее мужем Николаем Михайловичем Обресковым. Со слов матери знаю, что Лермонтов и после замужества Натальи Федоровны продолжал бывать в ее доме. Это и послужило причиной гибели шкатулки. Слышала также, что драма Лермонтова "Странный человек" относится к его знакомству с Н. Ф. Ивановой».

Михаил Юрьевич познакомился с дочерью драматурга Ф. Иванова в Москве в конце 1830 г., в 1831 г. бывал в имении ее матери – Никольском-Тимонине, расположенном недалеко от Москвы на берегу Клязьмы. К Наталье Федоровне поэт пережил мучительную и большую любовь, посвятил ей около сорока стихотворений, составивших «ивановский цикл» его любовной лирики. Стихотворение «Я не унижусь пред тобою ...» было прощальным посланием в этом любовном цикле.

...Я горд! - прости - люби другого, Мечтай любовь найти в другом: -Чего б то ни было земного

Я не соделаюсь рабом. К чужим горам, под небо юга Я удалюся, может быть; Но слишком знаем мы друг друга, Чтобы друг друга позабыть. Отныне стану наслаждаться И в страсти стану клясться всем; Со всеми буду я смеяться, А плакать не хочу ни с кем; Начну обманывать безбожно, Чтоб не любить, как я любил -Иль женщин уважать возможно, Когда мне ангел изменил? Я был готов на смерть и муку И целый мир на битву звать, Чтобы твою младую руку -Безумец! - лишний раз пожать! -Не знав коварную измену, Тебе я душу отдавал; -Такой души ты знала ль цену? -Ты знала: - я тебя не знал!

«Будучи студентом, - вспоминал А. П. Шан-Гирей,- Лермонтов был страстно влюблён ... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная.... Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку: ей было лет пятнадцать-шестнадцать, мы же были дети и сильно дразнили ее, у ней на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: «у Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. Чувство к ней Лермонтова было безотчётно, но истинно, сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей».

Варвара Александровна Лопухина (1815-1851) была сестрой друга Лермонтова Алексея Лопухина. Поэт познакомился с нею в 1828 г., но полюбил гораздо позднее, после разрыва с Н. Ф. Ивановой.

Переезд Лермонтова в 1832 г. в Петербург и зачисление в школу юнкеров помешали обоюдному чувству развиться, а военная служба и светские увлечения на время заслонили образ любимой девушки.

В мае 1835 г. Варвара Александровна, поверив в слухи о женитьбе Лермонтова на Е. А. Сушковой, вышла замуж. По воспоминаниям О. Н. Трубецкой, внучатой племяннице В. А. Лопухиной, «В

1835 году на московских балах стал появляться Николай Федорович Бахметев. Ему было 37 лет, когда он надумал жениться...он молился, чтобы господь указал ему на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая его обогнать, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше – перст, и посватался».

Когда Лермонтов получил известие об их свадьбе, он, по словам, А. П. Шан-Гирея, «Вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: "Вот новость – прочти", - и вышел из комнаты».

Бахметев был весьма ревнивым мужем: он заставил Варвару Александровну уничтожить адресованные ей письма поэта, а часть его рукописей и рисунков она отдала на сохранение двоюродной сестре А. М. Верещагиной.

Вскоре после замужества Варвара Александровна тяжело заболела. Уже в 1838 г., во время последней её встречи с поэтом, Шан-Гирей описывал Лопухину так:

«Боже мой, как болезненно сжалось моё сердце при её виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде».

Неоднократно Варвара Александровна выезжала вместе с мужем за границу, на лечение, но в 1841 году после гибели поэта, её здоровье ещё ухудшилось. Осенью 1841 года её сестра Мария писала:

«Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, её нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву - она отказалась, за границу - отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Может быть, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля...»

В 1851 г. в возрасте 36 лет Варвара Бахметева скончалась и была похоронена в Малом соборе Донского монастыря.

Лермонтов написал три акварельных портрета Лопухиной. История их взаимоотношений нашла отражение в драме «Два брата», повести «Княгиня Лиговская», романе «Герой нашего времени». Этой женщине поэт посвятил третью редакцию поэмы «Демон», поэму «Измаил-Бей», а также цикл стихотворений («Расстались мы, но твой портрет», «Валерик», «Она не гордой красотою...» и др.).

15 февраля 1838 г. Лермонтов в письме к Марии Лопухиной (сестре Вареньки) сообщал: «Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно нравится, а до этого я совсем забыл о нем – впрочем, это ровно ничего не доказывает...» Наверное, это не доказывало того, что поэт забыл свою любимую, которой эта «Молитва» посвящена.

Молитва

Я, матерь божия, ныне с молитвою Пред твоим образом, ярким сиянием, Не о спасении, не перед битвою, Не с благодарностью, иль покаянием, Не за свою молю душу пустынную, За душу странника в свете безродного; Но я вручить хочу деву невинную Теплой заступнице мира холодного. Окружи счастием душу достойную; Дай ей сопутников, полных внимания, Молодость светлую, старость покойную, Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному В утро ли шумное, в ночь ли безгласную, Ты воспринять пошли к ложу печальному Лучшего ангела душу прекрасную.

Одной из красивейших женщин Петербурга лермонтовского времени была *Эмилия Карловна Мусина-Пушкина*, урожденная Шернваль (1810-1846).

В Петербурге «произвели фурор ее белокурые волосы ее синие глаза и черные брови». По словам В. А. Соллогуба, поэт «страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду, как тень». Рядом с нею Лермонтова впервые увидел И. С. Тургенев «Он поместился на низком табурете перед

диваном, на котором, одетая в черное платье, сидела одна из тогдашних столичных красавиц - белокурая графиня M<усина>- Π <ушкина> - рано погибшее, действительно прелестное создание. На Лермонтове был мундир лейб-гвардии Гусарского полка; он не снял ни сабли, ни перчаток и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривал на графиню».

Об отношении к Лермонтову Эмилии Карловны красноречиво говорит его шуточный экспромт.

Э. К. Мусиной-Пушкиной

Графиня Эмилия - Белее чем лилия, Стройней ее талии На свете не встретится. И небо Италии В глазах ее светится. Но сердце Эмилии Подобно Бастилии.

Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (1809-1882), была одной из выдающихся женщин петербургского светского общества. Она окончила Екатерининский институт и до замужества была фрейлиной императрицы. Красивая, блестящего ума и независимого характера, она была тесно связана с кругом писателей, встречавшихся в салоне Карамзиных. Среди ее приятелей были Пушкин, Жуковский, Гоголь и Лермонтов. А. О. Смирнова считается прототипом Минской в незаконченной повести Лермонтова «Штосс»: «На ней было черное платье, кажется по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, строй-

фотогогогогогогогогогогогогого да на медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли...» Александра Осиповна была воспета многими поэтами. В ее альбоме и Лермонтов оставил свое стихотворное посвящение. «Софи Карамзина мне раз сказала, - вспоминала Александра Осиповна, - что Лер-

монтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи...»

А. О. Смирновой

В простосердечии невежды Короче знать вас я желал, Но эти сладкие надежды Теперь я вовсе потерял. Без вас хочу сказать вам много, При вас я слушать вас хочу; Но молча вы глядите строго,

И я в смущении молчу. Что ж делать?.. Речью неискусной Занять ваш ум мне не дано... Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно...

Мария Алексеевна Щербатова (ок. 1820-1879) – дочь украинского помещика А. П. Штерича. В 1837 г. вышла замуж за князя А. М. Щербатова, через год овдовела. Поэт познакомился с ней в 1839 г. в салоне Карамзиных. Лермонтов был сильно заинтересован «блондинкой с синими глазами», которая была такова, «что ни в сказке сказать, ни пером описать».

Имя М. А. Щербатовой связано с историей дуэли Лермонтова 1840 г. с францу-

зом Э. де Барантом. А. П. Шан-Гирей писал, что «слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта...и на завтра назначена была встреча». В мае 1840 г. Лермонтов и Щербатова встретились в последний раз. 10 мая Марию Александровну навестил А. Н. Тургенев, который записал в своем дневнике: «Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова».

Лирический портрет М. А. Щербатовой поэт воссоздал в посвященном ей стихотворении «На светские цепи…».

М. А. Щербатовой

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла,
Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украйны, В мерцании звезд незакатных, Исполнены тайны Слова ее уст ароматных, Прозрачны и сини, Как небо тех стран, ее глазки; Как ветер пустыни И нежат и жгут ее ласки. И зреющей сливы Румянец на щечках пушистых И солнца отливы Играют в кудрях золотисты. И следуя строго Печальной отчизны примеру, В надежду на бога Хранит она детскую веру; Как племя родное, У чуждых опоры не просит, И в гордом покое Насмешку и зло переносит. От дерзкого взора В ней страсти не вспыхнут пожаром, Полюбит не скоро, Зато не разлюбит уж даром.

Графиня Евдокия Петровна Ростопчина (1811-1858) – известная поэтесса XIX столетия. На умную серьезную девушку Додо Сушкову Лермонтов обратил внимание еще подростком. В 1831 г. он посвятил ей стихотворение «Додо», в 1840 г. в Петербурге их отношения выросли в искреннюю дружбу. Когда в апреле 1841 г. поэт получил предписание в 48 часов покинуть сто-

лицу и выехать в Тенгинский полк на Кавказ, друзья устроили ему

прощальный вечер у Карамзиных.

«Лермонтову очень не хотелось ехать, - вспоминала Ростопчина - у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку. Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и еще другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну. Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце. Через два месяца они осуществились, и пистолетный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составлявшую национальную гордость. Но что было всего ужаснее, в этот раз удар последовал от дружеской руки».

В стихотворении «Нашим будущим поэтам» 1841 г. Е. П. Ростопчина утверждает истину:

Не просто, не в тиши, не мирною кончиной, -Но преждевременно, противника рукой – Поэты русские свершают жребий свой, Не кончив песни лебединой!..

Перед отъездом на Кавказ Лермонтов подарил Ростопчиной альбом, куда вписал посвященное ей стихотворение «Я верю: под одной звездою...».

Графине Ростопчиной

Я верю: под одной звездою Мы с вами были рождены; Мы шли дорогою одною, Нас обманули те же сны. Но что ж! - от цели благородной Оторван бурею страстей, Я позабыл в борьбе бесплодной Преданья юности моей. Предвидя вечную разлуку,

Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...
Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утёса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заёмный,
И ласки вечные свои.

Екатерина Григорьевна Быховец (1820-1880) воспитывалась в доме богатой родственницы Крюковой – невестки троюродной тетки М. Ю. Лермонтова. В письме к сестре, написанном в Пятигорске 5 августа 1841 г. Быховец рассказывала о Лермонтове: «Мы с ним так дружны были — он мне правнучатый брат — и всегда называл соизіпе, а я его соизіп и любила как родного брата. Так меня здесь и знали под именем charmante соизіпе Лермонтова».

Поэт питал к Екатерине Григорьевне дружеские, доверительные чувства, ей он поведал историю своей любви к В. А. Лопухиной. «... Он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву...я думаю он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был», - писала она.

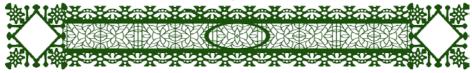
Е. Г. Быховец стала свидетельницей последнего дня жизни поэта. Все утро 15 июля они с компанией друзей гуляли в роще: «Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в го-

лову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же...»

После обеда, когда прощались, Лермонтов поцеловал руку Кати и сказал: «Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни». Вечером 15 июля (по старому стилю) он был убит на дуэли Н. С. Мартыновым. «...мой добрый друг убит, а давно ли он мне этого изверга, его убийцу, рекомендовал как товарища, друга!» - с горечью восклицала Е. Г. Быховец.

Стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю…» было написано Лермонтовым в Пятигорске и, видимо, обращено к Екатерине Григорьевне, а через нее – к В. А. Лопухиной.

Нет, не тебя так пылко я люблю, Не для меня красы твоей блистанье: Люблю в тебе я прошлое страданье И молодость погибшую мою. Когда порой я на тебя смотрю, В твои глаза вникая долгим взором: Таинственным я занят разговором, Но не с тобой я сердцем говорю. Я говорю с подругой юных дней; В твоих чертах ищу черты другие; В устах живых уста давно немые, В глазах огонь угаснувших очей.

«Взгляни на этот лик...»

Лермонтов в портретах

До нашего времени сохранилось 15 прижизненных изображений М. Ю. Лермонтова. Это немало, если принять во внимание трагическую судьбу поэта — две ссылки на Кавказ, участие в боевых походах и его раннюю гибель. Ни один портрет Лермонтова, взятый отдельно, не дает исчерпывающего представления о внешнем облике, о глубине и многогранности внутреннего мира гениального поэта. Но в совокупности, созданные профессиональными художниками (Ф. О. Будкин, П. Е. Заболотский, А. И. Клюндер, К. А. Горбунов – авторы основной прижизненной иконографии Лермонтова – все впоследствии стали академиками живописи) эти портреты все же дают конкретное представление о наружности поэта.

Работа неизвестного художника. Портрет М. Ю. Лермонтова в возрасте 3-4 лет. 1817-1818 гг. Государственный литературный музей. Москва.

Это первое живописное изображение М. Ю. Лермонтова. Румяный круглолицый мальчик с большими карими глазами. Только что перестал плакать. Слезы еще не высохли на его пухлых щеках, но улыбка уже рождается. Видимо, мальчику позволили заняться любимым делом, и он успокоился. Художник не случайно запечатлел

в руках ребенка лист бумаги и мелок: с детства мальчик много рисовал.

Неизвестный художник. М. Ю. Лермонтов в возрасте 6-8 лет. 1820-1822 гг. Холст, масло. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Из воспоминаний троюродного брат поэта А. П. Шан-Гирея: «Мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос надо лбом, резко отличавшихся от прочих, черных как смоль».

«В детстве наружность его, - писал учитель рисования поэта – xyдожник M. E. Mе-

ликов, - невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову».

Ф. О. Будкин. Портрет М. Ю. Лермонтова в мундире лейб-гвардии Гусарского полка. 1834 г. Холст, масло. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Поэт изображен погрудно, в мундире лейб-гвардии Гусарского полка, в шинели, наброшенной на правое плечо, с треуголкой в руке. Несмотря на некоторую нарядность портрета, художник сумел верно передать мягкое выражение лица и глубину взгляда Лермонтова.

А. М. Меринский писал: «Лермонтов был брюнет, с бледно-желтоватым лицом, с черными как уголь глазами, взгляд которых, как он сам выразился о Печорине, был

иногда тяжел. Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось».

А вот каким запомнился поэт И. С. Тургеневу: « В наружности

Пермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий».

«Это лучший из известных мне портретов Лермонтова, хотя он на нем и очень польщен, но ближе всех прочих передает общее выражение его физиономии (в хорошие его минуты), особенно его глаза, взгляд которых имел действительно нечто чарующее», писал об этом портрете Лермонтова его дальний родственник М. Н. Лонгинов.

П. Е. Заболотский. Портрет М. Ю. Лермонтова в ментике лейб-гвардии гусарского полка. 1837 г. Картон, масло. Государственная Третьяковская Галерея. Москва.

Этот портрет считается одним из лучших. Современники признавали большое сходство этого изображения с оригиналом, но, к сожалению, Заболотский не смог передать всей живости лица, глубины и богатства мысли поэта. Это сделать было очень трудно, о чем другой художник, М. Е. Меликов, сообщал: «Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладел бы с такой задачей, так как

он писал не портреты, а взгляды». Зато Меликов оставил описание Лермонтова, которое по времени почти совпадает с изображением Заболотского: «Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной

теплотой».

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837 г. Бумага, акварель. Государственный литературный музей. Москва.

Это одно из лучших и достовернейших изображений поэта. На фоне Кавказских гор, в форме Нижегородского драгунского полка, в бурке, накинутой на плечо, с кавказскими газырями на груди, на ремне черкесская шашка. И взволнованно-печальные глаза.

Я холоден и горд; и даже злым Толпе кажуся; но ужель она Проникнуть дерзко в сердце мне должна? Зачем ей знать, что в нем заключено? Огонь иль сумрак там – ей все равно.

На обороте картонной подложки портрета - наклейка с надписью по-немецки: «Michel Lermontoff Russischer Officier u/nd/ Dichter von ihm Selbst gemalt» («Михаил Лермонтов, русский офицер и поэт, им самим рисованный»). Этот портрет поэт подарил В. А. Лопухиной. До 1962 г. он хранился в Германии.

А.И. Клюндер. Портреты М.Ю. Лермонто- ва в гусарском сюртуке. 1838 г., 1839 г. Бумага, акварель. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

В 1838 году Клюндер выполнял серии пор-

третов лейб-гусар по их заказу. Лермонтов изображен в черном расстегнутом сюртуке лейб-гвардейского Гусарского полка, с крас-

ным воротником на синей подкладке, с эполетами корнета. Портрет подписной, датированный: «38/XI».

Другой портрет поэта - авторское повторение 1839 г. - почти не отличается от предыду-

щего, нарисованного тем же художником. Разница лишь в том, что Лермонтов повернут в другую сторону и в деталях.

П. Е. Заболомский Пормрем М. Ю. Лермонтова в штатском платье. .1840 г. Картон, масло. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Лермонтов одет в темный двубортный сюртук с красными обшлагами. Внизу подпись художника и дата «1840» (славянскими литерами). Это изображение, как и портрет 1837 г., выполнен опытным художником-реалистом с теплотой и любовью: умный сосредоточенный взгляд, твердость выразитель-

ных губ обнаруживают волю и, видимо, соответствуют состоянию поэта в начале 1840 г.

Д. П. Пален. Портрет М. Ю. Лермонтова в военной фуражке. 1840 г. Бумага, карандаш. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Единственное профильное изображение Лермонтова. По пути отряда генерала Галафеева, в котором служил поэт, в Северный Дагестан Д. Н. Пален нарисовал карандашом портрет поэта. У него усталый вид, он небрит, в глазах грусть.

К. А. Горбунов. Портрет М. Ю. Лермон- това в армейском сюртуке с шашкой. 1841 г. Бумага, акварель. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Последний прижизненный портрет Лермонтова – 1841 г. (до мая) – выполнен во время короткого отпуска поэта, вернувшегося в Петербург из кавказской ссылки. Поэт изображен в сюртуке Тенгинского полка. В

1875 г. П. А. Ефремов, со слов Горбунова, сообщил, что художник не успел закончить работы *«за отъездом Лермонтова на Кавказ и доделал уже после его смерти»*.

В 1842 г. по акварельному портрету Горбунова К. Поль изготовил литографию, которая была разослана подписчикам журнала «Отечественные записки» одновременно с январским номером. Портрет Горбунова был приложен также к первой части «Стихотворений» Лермонтова (1842-1844). Таким образом, работа Горбунова оказалась первым изображением Лермонтова, с которым познакомились читатели, и единственным в течение почти 22 лет, по которому делалось множество гравюр и литографий.

Р. К. Шведе. М. Ю. Лермонтов на смертном одре. 1841 г. Холст,

масло. Институт Русской Литературы РАН. Санкт-Петербург.

Художник Шведе запечатлел поэта на смертном одре. В белой рубашке, коротко подстриженный, спокойный.

Р. Ф. Туровский, однокашник поэта по Московскому пансиону, 18 июля 1841 г. в своем дневнике оставил та-

кую запись: «Лермонтова уже нет, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видеть печальную церемонию, еще грустней вспомнить: какой ничтожный случай отнял у друзей веселого друга, у нас – лучшего поэта... и новый глубокий траур накинут на литературу русскую, если не европейскую».

«Всегда, везде с тобою душа моя...»

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников

До конца царствования Николая І биография Лермонтова была запретной темой в русской печати. Только в 1857 г. вышли в свет «Записки» Е. А. Сушковой (да и то частично). В 1852 г. в Берлине издается двухтомник «Поэтическое наследие Лермонтова», в предисловии к которому немецкий поэт и переводчик Ф. Боденштедт писал: «Немногие поэты сумели, подобно Лермонтову, остаться во всех обстоятельствах жизни верными искусству и самим себе. Выросший среди общества, где лицемерие и ложь считаются признаками хорошего тона, Лермонтов до последнего вздоха остался чужд всякой лжи и притворства». Зимой 1841 г. в Москве, обедая в ресторане, Боденштедт познакомился с Лермонтовым и при последующих встречах по достоинству оценил человеческие качества поэта: «Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца...он мог быть кроток и нежен, как ребенок, и вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение. Серьезная мысль была главною чертою его благородного лица, как и всех значительнейших его произведений...»

Почему же не увидели этого люди, находившиеся с Лермонтовым всегда, связанные с ним родством? Почему они говорили о желчном и неуживчивом характере поэта, о его высокомерии? Ответ на эти вопросы содержится в воспоминаниях *И. И. Панаева*: «Большинство его знакомых состояло... из людей светских, смотрящих на все с легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрения... Лермонтов был неизмеримо выше среды, окружавшей его, и не мог серьезно относиться к такого рода людям. Ему, кажется, были особенно досадны последние – эти тупые мудрецы, важничающие своею дельностию

и рассудочностию и не видящие далее своего носа. Есть какое-то наслаждение (это очень понятно) казаться самым пустым человеком, даже мальчишкой и школьником перед такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, действительным наслаждением. Он не отыскивал людей равных себе по уму и по мысли вне своего круга. Натура его была слишком горда для этого, он был весь глубоко сосредоточен в самом себе и не нуждался в посторонней опоре».

«У него было милое выражение лица, и глаза его, искрились умом... Речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна», - вспоминал о поэте **Лобанов-Ростовский**, флигель-адъютант Николая I.

От Лермонтова исходило какое-то внутреннее обаяние. Кто хоть один раз видел поэта, уже не мог забыть его и искал с ним новой встречи. Офицер **А. Чарыков**, встретившийся с ним на Кавказе, вспоминал: «Пробираясь шаг за шагом в танцевальный зал, я столкнулся с одним из офицеров Тенгинского полка, и когда, извиняясь, мы взглянули друг на друга, то взгляд этот и глаза его так поразили меня и произвели такое чарующее впечатление, что я уже не отставал от него, желая непременно узнать, кто он такой. Случались со мною подобные столкновения и прежде и после..., но мне никогда не приходило в голову справляться о тех особах, с которыми я имел неудовольствие или удовольствие сталкиваться».

Из воспоминаний **В. П. Бурнашева**, гвардейского однокашника поэта: «...я поднимался по лестнице конногвардейских казарм в квартиру доброго моего приятеля А. И. Синицына... Подходя уже к дверям квартиры Синицына, я почти столкнулся с быстро сбегавшим с лестницы и жестоко гремевшим шпорами и саблею по каменным ступеням молоденьким гвардейским гусарским офицером в треугольной, надетой с поля, шляпе, белый перистый султан которой развевался от сквозного ветра. Офицер этот имел очень веселый, смеющийся вид человека, который сию минуту видел, слышал или сделал что-то пресмешное. Он слегка задел меня или, скорее, мою камлотовую шинель на байке (какие тогда были в общем употреблении) длинным капюшоном своей распахнутой и почти распущенной серой офицерской шинели с красным воротником и, засмеявшись звонко на всю лестницу (своды которой усиливали звуки), сказал, вскинув на меня свои довольно красивые, живые, черные, как смоль, глаза, принадлежавшие, однако, лицу бледному, несколько скуластому, как у татар, с крохотными тоненькими усиками и с коротким носом, чуть-чуть приподнятым... «Извините мою гусарскую шинель, что она лезет без спроса целоваться с вашим гражданским хитоном», — и продолжал быстро спускаться с лестницы, все по-прежнему гремя ножнами сабли».

Одна из самых живых зарисовок из жизни Лермонтова принадлежит полтавскому помещику *П. И. Магденко*, которому весной 1841 г. посчастливилось по пути на Кавказ познакомиться с поэтом.

«Солнце уже закатилось, когда я приехал в город, или, вернее, только крепость Георгиевскую. Смотритель сказал мне, что ночью ехать дальше не совсем безопасно. Я решился остаться ночевать и в ожидании самовара пошел прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, как в комнату вошли Лермонтов и Столыпин. Они поздоровались со мною, как со старым знакомым, и приняли приглашение выпить чаю. Вошедший смотритель на приказание Лермонтова запрягать лошадей отвечал предостережением в опасности ночного пути. Лермонтов ответил, что он старый кавказец, бывал в экспедициях и его не запугаешь. Решение продолжать путь не изменилось и от смотрительского рассказа, что позавчера в семи верстах от крепости зарезан был черкесами проезжий унтер-офицер. Я с своей стороны тоже стал уговаривать лучше подождать завтрашнего дня, утверждая что-то вроде того, что лучше же приберечь храбрость на время какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с ночными разбойниками. К тому же разразился страшный дождь, и он-то, кажется, сильнее доводов наших подействовал на Лермонтова, который решился-таки заночевать. Принесли что у кого было съестного, явилось на стол кахетинское вино, и мы разговорились. Они расспрашивали меня о цели моей поездки, объяснили, что сами едут в отряд за Лабу, чтобы участвовать в "экспедициях против горцев". Я утверждал, что не понимаю их влечения к трудностям боевой жизни, и противопоставлял ей удовольствия, которые ожидаю от кратковременного пребывания в Пятигорске, в хорошей квартире, с удобствами жизни и разными затеями, которые им в отряде, конечно, доступны не будут...

На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: "Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал еще несколько имен); поедем в Пятигорск". Столыпин отвечал, что это невозможно. "Почему? – быстро спросил Лермонтов, — там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск". С этими словами Лермонтов вышел из комнаты. На дворе лил проливной дождь. Надо заметить, что Пятигорск стоял от Георгиевского на расстоянии сорока верст, по тогдашнему – один перегон. Из Георгиевска мне приходилось ехать в одну сторону, им – в другую.

Столыпин сидел, задумавшись. "Ну, что, — спросил я его, — решаетесь, капитан?" — "Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд. Вон, — говорил он, указывая на стол, — наша подорожная, а там инструкция — посмотрите". Я поглядел на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцию посовестился и, признаться, очень о том сожалею. Дверь отворилась, быстро вошел Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнес повелительным тоном:

"Столыпин, едем в Пятигорск! — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: — Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?"

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен, и к нашим ногам упал решеткою вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: "В Пятигорск, в Пятигорск! позвать людей, нам уже запрягли!"…Лошади были поданы».

А вот воспоминания **К. Х. Мамацева**, подпоручика отряда Галафеева. «Я хорошо помню Лермонтова и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесскою шашкой... Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвующих вме-

сте с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить....Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение».

«Он был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодежь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появлялась там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест...»

Сослуживцы Лермонтова рассказывали, как однажды в экспедиции, поэт, предложил своим друзьям, в их числе Глебову и Льву Пушкину, вечером, во время стоянки пойти поужинать за черту лагеря. Расположились в ложбине за холмом. Осторожно развели огонь. Лермонтов уверил всех, что он позаботился о безопасности и выставил часовых, указывая при этом на видневшуюся сквозь вечерний туман фигуру казака. Все шутили, пили и закусывали, обсуждали события последних дней и возможность нападения горцев. Особенно в ударе был Лермонтов, который вместе со Львом Пушкиным сыпал остротами и забавлял компанию комическими рассказами. Эта мирная вылазка, к счастью, обошлась без происшествия. А под утро, когда возвращались в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся впереди часовой не что иное, как сделанное и поставленное на скорую руку чучело, прикрытое старой, рваной буркою.

Как выглядел поэт в глазах пятигорских барышень узнаем со слов Эмилии Александровны Клингенберг – приемной дочери генерала Верзилина, в доме которого Лермонтов часто бывал с друзьями летом 1841 г.: «...волосы он носил здесь летом коротко остриженными, роста был среднего, говорил приятным грудным голосом, но самым привлекательным в нем были глаза – большие, прекрасные, выразительные. Характера он был неровного, капризного: то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен. Он любил повеселиться, потанцевать, посмеяться, позлословить; часто затевал пикники и кавалькады, причем брал на себя нелегкую обязанность

распорядителя. Бывало, велит настлать досок над Провалом, призовет полковую музыку, и мы беззаботно танцуем над бездною, точно в этой комнате. Сначала многие из нас, барышень, боялись ступить на этот помост, но, глядя на Лермонтова, с увлечением носившегося в мазурке, и мы набирались смелости...

В течение последнего месяца он бывал у нас ежедневно; здесь, в этой самой комнате, он охотно проводил вечера в беседе, играх и танцах. Бывало, сестра заиграет на пианино, а он подсядет, свесит голову на грудь и сидит так неподвижно час и два. Никому он не мешает, никто его и не тревожит. Зато как разойдется да пустится играть в кошки-мышки, так удержу нет! Бывало, поймает меня во дворе, за кучей камней (они и сейчас лежат там) и ведет торжественно сюда... Сестре моей он вписал в альбом несколько стихотворений...»

Потрясающую характеристику дал Лермонтову **В. Г. Белинский.** Навестив поэта, сидевшего под арестом за дуэль с Э. де Барантом и в первый раз поразговорившись с ним «от души», Белинский писал В. П. Боткину: «Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целости своей. Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я пред ними благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества».

Веселым, беспощадно проницательным, остроумным остался Лермонтов в памяти многих современников. Но самую глубокую и самую верную лермонтовскую характеристику содержат его сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть. «Он исповедовался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии».

Чисто вечернее небо,

Ясны далекие звезды,

Ясны как счастье ребенка;

О! для чего мне нельзя и подумать:

Звезды, вы ясны, как счастье ребенка;

Чем ты несчастлив,

Скажут мне люди? -

Тем я несчастлив,

Добрые люди, что звезды и небо -

- Звезды и небо! - а я человек!...

Люди друг к другу

Зависть питают;

Я же, напротив,

Только завидую звездам прекрасным,

Только их место занять бы желал.

<u>Рекомендованная литература</u>

- Андроников, И. Л. Лермонтов. Исследования и находки / И. Л. Андроников. Москва : Художественная литература, 1977. 647 с.
- Белинский, В. Г. Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1948. С. 630-697.
- Висковатый, П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество / П. А. Висковатый. Москва: Рихтер, 1891. 478 с.
- Вырыпаев, П. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии / П. А. Вырыпаев. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1976. 160 с.
- Гершензон, Д. Я. Лермонтов в русской критике / Д. Я. Гершензон // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. Исследования и материалы. Москва: Гослитиздат, 1941. С. 589-616.
- Герштейн, Э. Г. Судьба Лермонтова / Э. Г. Герштейн. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Художественная литература, 1986. 351 с.
- Глассе, А. Лермонтов и Е. А. Сушкова / А. Глассе // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Ленинград : Наука, 1979. С. 80-121.
- Захаров, В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова / В. А. Захаров. Москва : Русская панорама, 2003. 704 с.
- Маркелов, Н. В. Лермонтов и Северный Кавказ / Н. В. Маркелов // Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова. Пятигорск: Снег, 2008. 383 с.
- Висковатый, П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество. Приложение к факсимильному изданию / П. А. Висковатый. Москва: Книга, 1989. 336 с.
- М. Ю. Лермонтов: исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит; Редкол.: М. П. Алексеев (отв. ред.), А. Глассе, В. Э. Вацуро и др. Ленинград : Наука, 1979. 429 с.
- Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников / сост.: М. И. Гиллельсон, О. В. Миллер. Москва : Художественная

- литература, 1989. 672 с.
- Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М. Ю. Лермонтов; авт. примеч. И. Л. Андроников. Москва: Художественная литература, 1983 1984. Т. 1: Стихотворения. 1983. 446 с. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. 1983. 546 с. Т. 3: Драмы. 1984. 542 с. Т. 4: Проза и письма. 1984. 528 с.
- Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. Москва: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
- Недумов, С. И. Лермонтовский Пятигорск / С. И. Недумов. Ставрополь : Книжное Издательство, 1974. – 310 с.
- О Томасе Лермонте: шотландском предке русского поэта = On Thomas Learmonth: russian Poet's scottish Ancestor / Л. Овчининская; пер. О. Татаринова. Москва: Детская книга, 1993. 21 с.
- Люблю отчизну я...: лермонтовские места : фотоальбом = I love my native Land : in lermontov's footsteps / сост. В. В. Афанасьев. Москва : Советская Россия, 1989. 264 с.
- Чекалин, С. В. Под солнцем юга. Кавказские войны в лицах / С. В. Чекалин. – Москва : Воскресенье, 2002. – 335 с.
- Щеголев, П. Е. Лермонтов: Воспоминания. Письма. Дневники / П. Е. Щеголев. – Москва : Аграф, 1999. – 527 с.
- Эйхенбаум, Б. М. Статьи о Лермонтове / Б. М. Эйхенбаум; ред. В. А. Брайловский; Академия наук СССР, Институт русской литературы. Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. 371 с.
- Электронные ресурсы
- Лермонтов М. Ю.: Семья Лермонтова [Электронный ресурс]
   Режим доступа : http://lermontov.niv.ru/lermontov/family/semya.htm Загл. с экрана.
- Лермонтов М. Ю. стихи, поэмы, биография, рисунки... [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lermontov.info/ Загл. с экрана.
- Лермонтов и русская культура [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lermontov.rhga.ru/ Загл. с экрана.

«Венок поэту» Стихи поэтов народов России и Ближнего Зарубежья, посвященные М. Ю. Лермонтову

Живя в «беспрерывном странствовании», М. Ю. Лермонтов, по его словам, «пробегал страны России». Он хорошо знал жизнь Грузии, Армении, Азербайджана, Чечни, Дагестана. В его произведения вошли Черное море, Дарьял и Терек, «струи Арагвы и Куры», «седой незыблемый Кавказ». В лермонтовских стихах и поэмах живут «роскошной Грузии долины», и «светлое небо Дагестана», «цветущие степи Украйны», вся большая Отчизна «от Урала до Дуная». В них названы «задумчивый грузин», «лезгинец дряхлый и седой», «черкес свободный» и «мирной татарин», «славянка молодая» и «кабардинец удалой», «старик-чеченец», «старый армянин» и «черкешенка младая».

Многие народы России считают М. Ю. Лермонтова «своим» поэтом. Слова «наш Лермонтов» можно услышать в Тбилиси, Ереване, Баку и других городах Ближнего Зарубежья.

Народный поэт Татарстана **Сибгат Хаким** писал: «Между Лермонтовым и современной поэзией» - более сотни лет, а он неукротимый, гордый, продолжает очищать нашу душу, поднимает тебя ввысь, помогает находить и видеть величие сегодняшнего. И сердце наполняется чувством глубокой благодарности к нему».

Педер Хузангай – народный поэт Чувашской республики.

Душа Отчизны

То наяву, то в сновиденье, Уже который год подряд, Горит в трагическом свеченье Передо мною этот взгляд. Его увидел я впервые В моем селении глухом, Когда «мундиры голубые» Еще мерещились кругом. Позднее, им завороженный, Я сердцем рвался на Кавказ. Пришел — и видел обреченность В зрачках его бездонных глаз. Потом запомнил взгляд я этот В тюремной мертвенной тиши, Когда под дулом пистолета Одно я слышал: «Подпиши!» Тревожный, полный укоризны, Следя за мною, взгляд сверкал, Как совесть, Как душа Отчизны, И я... я ложь не подписал! И наконец, целуя знамя, Хоть и не видел самого «Ребята! Не Москва ль за нами?» Услышал возглас я его. ...Кто слову русскому внимает, Причастный сам к нему чуть-чуть, Тот с Лермонтовым Начинает И с Пушкиным Кончает путь.

Встреча

Насмешливый, тщедушный и неловкий, Единственный на этот шар земной, На Усачевке, возле остановки, Вдруг Лермонтов возник передо мной.

> И в полночи, Растерянной и зыбкой, (как будто я о том его спросил)

> > - Мартынов - что... -

Он мне сказал с улыбкой.

Он невиновен.
 Я его простил.

Что – царь? Бог с ним. Не воин он один.

Царь и холоп -

Две крайности, мой милый. Но ничего опасней середин.

Над мрамором, венками перевитым, Убийцы стали ангелами вновь. Удобней им считать меня убитым: Венки всегда дешевле, чем любовь. Как дети, мы все забываем быстро, Обидчикам не помним мы обид,

И ты не верь,

Не верь в мое убийство: Другой поручик был тогда убит.

Что - пистолет?..

Страшна рука дрожащая, Тот пистолет растерянно держащая, Особенно тогда она страшна, Когда сто раз пред тем была нежна... Но, слава богу, жизнь не оскудела, Мой Демон продолжает тосковать, И есть еще на свете много дела, И нам с тобой нельзя не рисковать. Но, слава богу, снова паутинки, И бабье лето тянется на юг. И маленькие грустные грузинки Полжизни за улыбки отдают. И суждены нам новые порывы, Они скликают нас наперебой... Мой дорогой, Пока с тобой Мы живы, Все будет хорошо У нас с тобой...

Имран Сеидов – азербайджанский поэт, критик, литературовед.

Ты приезжал в мой край В минувший век без страха. Встречались мы с тобой в селеньях и горах. Я был тогда в чухе, чарыках и папахе, И говорили мы на разных языках... Ты видел: я страдал, повергнутый жестоко, Наследник Низами, главы я не склонил... Ты видел многое и понял сердцем много, И полюбил меня таким, каким я был... В глазах твоих читал я добрую усталость И грусть и гнев, что так устроен свет... С тех пор прошли года, но навсегда осталась В моей груди любовь к тебе, поэт! Теперь мой край такой, каким его когда-то В мечтах своих еще ты только видеть мог. В моем краю звенит твой стих крылатый, Трепещущий от страсти и тревог. Да, я прошел в борьбе дорогою страданий, Но вышел в этот долгий путь не налегке... И говорю сегодня я, азербайджанец, С тобою на твоем великом языке.

Захиджан Абидов - узбекский поэт и переводчик. Трагедия на Машуке Грозно в небе Наплывают облака. Горы мрачны, как в глубоком трауре Тянет кровью от подошвы Машука Гром и ливень На минуту замерли. Вот сейчас она обрушится — Дуэль! Все в ней, все продумано заранее...

Горы мрачны, как в глубоком трауре. Тянет кровью от подошвы Машука. Вот сейчас она обрушится — Все в ней, все продумано заранее... Я бегу, бегу Закрыть собою цель, Нету права мне на опоздание. Сколько силы у поэта-бунтаря! А угрозы трону Только в слове ли? Потому по повелению царя Смерть ему рассчитанно готовили. Все подвластно на земле государям... И поэтов Сделали мишенями. Я бегу по опечаленным горам, У меня Совсем немного времени. На камнях, как слезы, Капельки росы.

Расул Гамзатов - аварский писатель, народный поэт Дагестана.

Нерасторжимы

Немало песен сочинил поэт О нашем крае, о горах высоких, И горный край о нем сто двадцать лет Поет на языке своих потомков. Туман веков, как сумеречный дым, Плывет по небу, но нерасторжимы Певец Кавказа, павший молодым, И сам Кавказ с вершинами седыми

Эмиль Лотяну – молдавский поэт; автор кинокартин «Табор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь» и др.. Стихотворение «Горуны» (в переводе – вековые деревья в горах) посвящено памяти М.Ю. Лермонтова.

Горуны

Да, я видел – падают горуны. Видел, как вонзался в них топор. Крикнул... Но стволов звенели струны. Лес молчал. Молчали выси гор. Это - их страна. И дерзка сила. Ствол - кремень. Вершины до небес. Меж ветвей их вечность затаилась -Голос моря, жаворонков плеск. Верят, будто вечно будут юны. Рвутся ввысь. Далек еще конец... Видел я, как падают горуны В тот туман, белесый, как свинец. Им шуметь бы кроной – крепкой, светлой, Плыть в туман печальных глаз моих. Падают горуны. Как поэты. Сразу. Навзничь. Чаще на рассвете... Не поставишь на колени их!

Пермонтов

Огни засветились в долине. Волнует их призрачный свет. В широком плаще темно-синем Выходит в дорогу поэт. Зовущий порывистый ветер, Лесов голубое кольцо... И утро прекрасное светит, Его освещая лицо. И плещется плащ в поднебесье, Парит высоко надо мной... Слышны светлокрылые песни Над всёй обновлённой землёй!

Контактная информация

Государственное казённое учреждение культуры Свердловской области «Свердловская областная межнациональная библиотека»

620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28

Тел. (343)243-17-05

Факс: (343)243-17-00

E-mail: somb@somb.ru

Сайт библиотеки: www.somb.ru

Расписание работы библиотеки:

пн., вт., чт., пт.- 10.00- 19.00

cp. - 12.00-19.00

BC. - 10.00-17.00

сб. - выходной

последний рабочий день месяца - санитарный день

